

Время Рихтера продолжается

Коммерсантъ-daily. - 1997. - 12 сент. - с. 10

В Большом зале консерватории впервые за последние шесть лет Юрий Башмет дал сольный концерт и посвятил его памяти Рихтера. Выступление первого альта мира (партия фортепиано — Михаил Мунтян) убедило в том, что удел чемпионов — довольствоваться настоящим. А о прошлом и будущем пусть задумываются те, кто на старте.

Если кто в свое время и нарушил негласную традицию не благодарить артиста аплодисментами на концертах, посвященных ушедшим, это был именно Святослав Рихтер. Многим памятно его выступление в первую годовщину смерти Генриха Нейгауза, когда музыкант не принимал оваций зала, переадресуя их этим жестом своему ушедшему учителю, другу, наставнику.

Не будем искать прецедента в том, что на аншлаговом концерте Юрия Башмета, посвященном памяти Рихтера, публика Большого зала благодарила своего любимца после каждого номера, будь то малоизвестный бетховенский Ноктюрн для альта и фортепиано (авторское переложение Серенады для скрипки, альта и виолончели) или популярнейшая в камерном репертуаре Соната Allegro Шуберта.

Никаких формальных претензий к «чемпиону мира по игре на альте» не было, да и быть не могло: все прошло гладко — Бетховен был сух, осмысленно лишен привычного башметовского парфюма,

подчеркнуто нелицен. Смысловым центром сочинения (не обязательного для эстрады, но уместного как автобиографическая заметка о былом опыте домашних занятий с Рихтером) стало Adagio, что лишний раз доказало: Башмет хорошо контролирует свое амплу и всегда знает, что делает.

Идеальная режиссура концерта вначале как будто отодвинула нас от реального кумира к воспоминаниям об ушедшем гении, чтобы потом вволю насытить не относящимися к поводу «in memoriam» альтовыми сладостями. Уже заранее можно было догадаться, что Allegro станет лучшей из слышанных за последнее полугодие интерпретаций, что бесхитрый шубертовский мелодизм будет молниеносно атакован бархатным башметовским обаянием, что желание нравиться публике возобладает — и атмосфера вокруг «звезды» наконец станет адекватной. Так и случилось. Жест сделан.

Но, честно говоря, видимая безупречность ансамбля Башмет—Мунтян лишь подчеркнула неизбежное «Рихтера больше нет». Их игра зафиксировала пустоту там, где при Рихтере жила художественная материя: в пространстве между индивидуальностью и индивидуальностью, инструментом и инструментом. В очередной раз предложив себя как солист, как «красивую открытку», Башмет не столько напомнил нам о потере, сколько об обретениях времени, благорасположенного к фотогеничным

музыкантам, к скоростным превращениям общежитий в изящные особняки и к прочим несовместностям.

Услышав мнение коллег о том, что заявленную в программе второго отделения Сонату Шостаковича для альта и фортепиано Башмет с Мунтяном (по опыту «Декабрьских вечеров») играют великолепно, я, почти готовая записать альтиста в герои дня, отправилась в «Антрепризу» Московского союза музыкантов. И поняла: герой — здесь.

В Овальном зале особняка на ул. Герцена пел романс Глинки, Римского-Корсакова и Рахманинова Дмитрий Степанович (бас), всего неделю назад ставший обладателем главной премии рахманиновского конкурса. Первые такты «Болеро» Глинки подействовали как инъекция счастья, как бы гарантируя слушателю: вы не будете обмануты в ваших ожиданиях, более того — вас одарят такими сюрпризами, что впрямую и плакать, и смеяться.

Именно с этими — как будто взятыми из старых книг и совершенно непродуктивными в наше время — архетипами эмоциональных крайностей Степанович расправился легко, художественно и искренне. В его пении апломб старорежимного актера взыскательно соединился с просвещенностью историка и вокальной каллиграфией. Слова и звуки тут же соединялись в образ — будь то ревнивец из «Болеро» Глинки или медитация счастья в рахманиновском «Здесь хорошо». А голос, не столь пластичный, сколь искусно контролируемый и точный, оказался той самой «дудочкой крысолова», следуя которой, никто из слушателей не устоял от прямого соучастия певцу, персонажу, самому себе, наконец, вынужденный согласиться: то, что до этого слышал раз двести, — было неправдой.

Тем, кто готов уверовать в Степановича-певца, в сущности уже неважно, что 23-летний музыкант изучает теорию и занимается композицией. Уже сейчас очевидно, что редкая для нашей оперной сцены культура и образованность неотделимы от этого человека, чья стезя — пение.

Исполнив на бис под собственный аккомпанемент романс «Редет облаков летучая гряда», Степанович еще раз доказал, что несвоевременное дарование не может быть несвоевременным.

Кто-то познакомится с ним в театре Станиславского и Немировича-Данченко, кто-то в камерном концерте, а кто-то на случайном выступлении в непрестижном зале — культура певца не рассчитана на завоевание Запада. Впрочем, когда Рихтер в 1937 году ехал в Москву, он тоже не знал, какое будущее его ожидает.

ЕЛЕНА ЧЕРЕМНЫХ

Юрий Башмет уходит от Рихтера все дальше и дальше